

«Жизнь продолжается. У меня нет сомнения в том, что у России, великой морской державы, флот был, есть и будет. В канун юбилея нашей Великой Победы хочу отметить, что это были испепеляющие годы. Но испытание на мужество и стойкость наш народ выдержал. И Россия обязательно возродится и станет по-прежнему могучим и сильным государством».

Этими словами завершил свои заметки, посвящённые 55-летию Великой Победы, ветеран войны, капитан первого ранга в отставке, член-корреспондент Международной академии гуманитарных и естественных наук Николай Петрович Козуб, родной мне Человек с большой буквы – из тех, о ком теперь не без основания сетуют: таких уж нет.

Через три года мы все – его друзья и родственники, верная памяти супруга Валентина Михайловна – вспомним лихого и мужественного Николая Петровича в связи с его столетием. И пусть совсем уже печально звучат в последние десятилетия слова из песни Клавдии Шульженко («Где же вы теперь, друзья-однополчане?»), – мы верим, что память о былинных чудо-богатырях на

заре XX века с Великим Октябрём, получивших путёвку в жизнь, проживших её, честно несмотря на жесточайшие испытания, посвятивших себя служению Отчизне. Мы убеждены, что эта святая память придаёт нам силы и станет незыблемой опорой, если завтра... что бы ни случилось с Родиной и с нами.

Жизнь Николая Петровича во многом была типична для тех, кто родился за двадцать лет до Великой Отечественной. И было в ней немало интересных и почти мистических встреч. Родился он в Крыму, в городе Евпатория, в начале 1920 года, хотя в паспорте и значилось: «на Украине, в селе Борисы Глобинского района Полтавской области 29 апреля 1918 года». Лишь потом был восстановлен истинный год рождения – 1920-й. К селу Борисы примыкала, по существу сливаясь с ним, деревня Коденциевка, позже по решению сельской сходки переименованная в Ульяновку. Борисы располагались вдоль речки – неширокой и неглубокой, с осокой и камышами, зарослями и прогалинами для купания, стирки белья и вымачивания конопли (прядева). По обе её стороны вытянулись улицы, вдоль которых стояли дворы с хатами-мазанками под соломенными крышами. За домами – сады, в которых обильно вызревали вишни, яблоки, груши, сливы. За дворами – поля с роскошной рожью, овсом, и за ними пастбища для лошадей, коров, овец, коз. Тем не менее, до революции Борисы с 600 – 700-ми дворами считались относительно бедным селом.

Николай Петрович называл дедушку Афанасия Карповича своим главным воспитателем, поскольку мать и отец с утра до ночи были заняты по хозяйству. Дедушка с малолетства воспитывал внука по-своему: когда тот в колыбели принимался капризничать, запирал хату на ключ и не впускал мать до тех пор, пока ребёнок не перестанет голосить. На замечания родителей говаривал: «нехай дитына голос развивает».

Дедушка с детства прививал Коленьке понятия о том, что можно и что нельзя. Брал его с собой на рыбалку, в поле, приобщал

Коля (справа) с сестрой Марией и братом Иваном

к крестьянскому труду. Дед был физически крепким и никогда серьёзно не болел, а когда чувствовал недомогание, брал гранёный стакан самогона или водки, бросал туда по щепотке перца, горчицы, соли и наливал столовую ложку керосина. Все это взбалтывал, залпом выпивал. Надев тёплое бельё, залезал на русскую печь, укрываясь тулупом. Мама за ночь меняла ему пару раз бельё, а утром он просыпался бодрым и здоровым. При случае и по праздникам выпивал, но умеренно, не курил, но нюхал табак-самосад, приговаривая: «нехай микробы погибают».

Отец Пётр Афанасьевич родился в 1896 году в Коденциевке, а мать Елизавета Ефимовна двумя годами раньше в Градижске, тоже на Полтавщине. Так как отец имел четыре класса образования (а это по тем временам было не так уж плохо) и каллиграфический почерк, он вскоре был замечен и назначен учеником по приёму зерна с помещичьих полей. Несколько позже на работу к тому же помещику попала его будущая жена Елизавета сначала на кухню чернорабочей, затем кухаркой – няней, присматривающей за двумя помещичьими дочерьми. Примерно в 1917 году Пётр Афанасьевич и Елизавета Ефимовна поженились. Через год у них появился первенец – сын Сергей, а в апреле 1920 года – Николай. По воспоминаниям родителей Николая, их хозяева, помещики Дувановы, были культурными, обходительными со своими работниками людьми, ценили работяг, особенно не пьющих и не ведущих себя разгульно. Таких работников поощряли не только словесно, но и материально: по воспоминаниям матери, им с отцом была устроена шикарная свадьба.

Во второй половине 1920 года Концедиевки достигла эпидемия оспы, от которой умер Серёжа. Но уже в 1924 году на свет появилась сестра Коли Мария, а двумя годами позже – брат Иван.

По натуре Пётр был крут, а к своим детям по части грамотности был требователен вдвойне. В результате уже с четырёхлетнего возраста дети были обучены чтению, счёту, составлению устных рассказов. Николай Петрович вспоминал, что учение порой сопровождалось подзатыльниками или щелчками по лбу; такой несовременный метод, как оказалось, давал результаты.

А вот Елизавета, происходившая из казачьего рода, была чудесной доброй женщиной. Чутко относилась к людям, всегда приходила на помощь не только соседям, но, бывало, и первому встречному. Она не только никогда не поднимала рук на детей, но даже не повышала на них голоса. Была очень трудолюбива: поднималась в пять-шесть часов утра и ложилась далеко за полночь.

Николай (справа) с матерью и братом

В русскую школу Коля пошел в Евпатории. Добираться до неё приходилось больше часа. Вот в эти годы и сложилась железная склонность Николая к дисциплине во всём. В мае 1934 года, закончив седьмой класс, он начал подумывать о поступлении в техникум. И тут появилась реальная возможность попытаться счастья. Дело в том, что на одном из теплоходов, курсировавшем от порта к порту вдоль Черноморского побережья, служил матросом рулевой службы хороший товарищ Коли Фёдор Попов. С этого-то знакомства и началась страстная любовь Коли к морю, которую он пронёс через всю жизнь.

Федя как-то умудрился договориться с капитаном и взял семиклассника Николая на переход Евпатория – Одесса; так в одно прекрасное утро он оказался в Одессе. Гуляя по городу, решил ознакомиться с объявлениями о приёме в техникумы. Внимание привлекли мортехникум и цирковая школа: подал заявление и туда, и туда и успешно сдал экзамены в обоих учебных заведениях. Что касается цирковой школы: занимаясь в школьном спортзале, Коля научился крутить на турнике «солнце», жонглировать тремя кольцами и неплохо делать различные гимнастические упражнения. Но, в конце концов, всё же решил остановиться на мортехникуме.

Жизнь, однако, распорядилась иначе. Подружившись с учащимися техникума, он, по собственному признанию, наслушался не-

Протокол школьного собрания

Всесоюзный народный комиссариат по просвещению
Учебно-методический кабинет
Средняя школа №3

Свидетельство

об окончании средней школы.

Принимая во внимание, что **Кроль Николай Степанович** родился **1918** г. **10** октября в **селе в 1932 году** окончил **10** и **10 54** классы средней школы.

Кроль Николай Степанович

1. Русский язык и литература	Оценки хорошо
2. Русский язык (за курс)	Оценки удовлетв.
3. Тел. язык (за курс)	Оценки удовлетв.
4. Иностранный язык (немец)	Оценки удовлетв.
5. Математика	Оценки удовлетв.
6. Общественные науки	Оценки удовлетв.
7. География	Оценки удовлетв.
8. История	Оценки удовлетв.
9. Физика	Оценки удовлетв.
10. Биология	Оценки удовлетв.
11. Химия	Оценки удовлетв.
12. Труда	Оценки удовлетв.
13. Технические науки (физика)	Оценки удовлетв.
14. Физкультура	Оценки удовлетв.
15. Черчение	Оценки удовлетв.
16. Рисование	Оценки удовлетв.
17. Музыка	Оценки удовлетв.

За время пребывания в школе **Кроль Николай Степанович** занимался в кружках: **Юношеский спортивный клуб, кружок по физкультуре, кружок по рисованию, кружок по танцам.**

Секретарь **Майков Роман Иванович** Выход **10 июля 1934** года

Секретарь **Школы Кошкин**

Аттестат об окончании средней Евпаторийской школы

гативных рассказов о жизни техникума и понял, что во время обучения придётся вести полугодное существование, а перспектива дальнейшей службы была очень неясной. И вернулся в Евпаторию.

В сентябре 1934 года Николай продолжил учебу в восьмом классе. Все дни проходили по ранее заведённому порядку: учёба сопровождалась регулярным посещением спортзала и самых разных кружков, не пропускал подросший Николай и танцы. Жил он с отцом и мачехой: семья роди-

телей, к сожалению, распалась. Анна Георгиевна, новая супруга отца, относилась к Коле не как к пасынку, а как к младшему брату – исключительно доброжелательно и заботливо.

В конце сентября 1935 года произошло событие, о котором следует обязательно упомянуть. Его мачеха работала горничной в доме отдыха Украинского Военного округа и обслуживала апартаменты отдыхавшего там наркома обороны К.Е. Ворошилова. Николай не мог не воспользоваться этим обстоятельством и несколько раз как бы случайно заходил к Анне Георгиевне на работу. И, конечно же, «совершенно случайно» проходил мимо гуляющего по аллеям дома отдыха Ворошилова. Наконец, тот обратил на юношу внимание и спросил, кто он. Так Коля был представлен наркому – и даже осчастливлен его беглым рукопожатием. После этой встречи Кроль зачастил на волейбольную площадку, наблюдал за игрой, в которой участвовал и Ворошилов. Однажды, когда один из игроков опаздывал, нарком указал судье на парня. Так он оказался с Климентом Ефремовичем на одной площадке: их разделяла только сетка, поскольку играли они в разных командах.

Примерно в конце февраля общительного и активного во всех делах Колю избрали секретарем комсомольской организации школы, потом ввели в состав горкома. А школа Колина была на хорошем счету, на протяжении многих лет занимала первое место

по Крыму по всем показателям, прежде всего по успеваемости и дисциплине. В начале учебного года ходили слухи, что скоро будет организована поощрительная поездка школьной делегации в одну из элитных школ Москвы для обмена опытом. Было решено послать группу в составе директора школы, секретаря комсомольской организации и старшей пионервожатой. Колю и Любу Решетникову, старшую пионервожатую, завуч срочно отправил домой, предупредив, чтобы они были готовы завтра утром выезжать с директором школы в Москву.

На вокзале в Москве крымчан встретила молодая учительница и парень, примерно Колиного возраста, по имени Виктор, секретарь комсомольской организации школы. Ребят повезли на машине, они с восхищением рассматривали улицы, снующий транспорт, шумный людской поток, витрины магазинов. В столичной школе делегатов сытно накормили. Их сопровождали теперь ещё две девушки: постарше и повыше ростом звали Марфой, а другую, рыжеватую, с веснушками – Светланой. В их сопровождении ребята осмотрели школу, а во дворе их уже ожидала машина. Рядом с водителем сидел парень, наверное, Колин ровесник: он назвался Василием.

Поездка по городу продолжалась часа полтора, и авто подкатило к какому-то дому, миновав, что удивило гостей, посты охраны с вооружёнными солдатами. Там ребят ждали и провели прямо к накрытому столу, за которым уже сидели Василий и Виктор. Тут Колю и его спутницу огорошили известием: оказалось, что Василий – это сын Сталина, Светлана его дочь, а Марфа – внучка Горького. Надолго запомнилась эта недолгая встреча: было, что рассказать ребятам по прибытии в родной Крым!

Через пару дней судьба Коли получила новый неожиданный оборот: по дополнительной разрядке горкома комсомола его, девятиклассника, направили в Ленинградское Военно-морское училище. Экзамены должны были начаться через четыре дня. В то время экзаменующие не тащили билет, а преподаватель беседовал с каждым и мог задать любой из имевшегося у него перечня вопросов. Коля стал придумывать, как восполнить пробелы в знаниях, особенно за десятый класс – он был на год моложе других соискателей мест в мореходке. В библиотеке взял учебник по математике и старательно стал его штудировать.

Итак, первый экзамен – любимая Колей история. В отличие от предыдущих товарищей, Коля, когда выкликнули его фамилию, через весь класс прошел неумелым мальчишеским строевым ша-

гом и доложил: «Товарищ председатель экзаменационной комиссии, кандидат в курсанты Козуб прибыл для сдачи экзаменов!». И с радостью понял, что демонстрация «военной косточки» произвела на экзаменаторов заметное впечатление. Один за другим посыпались вопросы, на которые следовали четкие, лаконичные ответы. Когда вопросы закончились, один из членов комиссии спросил: «Где вы служили?». «Я ученик первой Евпаторийской средней образцовой школы». Подивились глубине знаний школьника искушённые экзаменаторы, и в аттестате засияла первая «пятёрка» и ремарка в графе «Дополнительные замечания»: «Показал знания по истории на уровне преподавателя средней школы».

Следующий экзамен по физике также был сдан на «отлично» с припиской в зачётке: «Показал твёрдые, глубокие знания». Преодолеl Николай и математику: устный экзамен принимал профессор Робачевский, который долго и с пристрастием гонял молодого крымчанина по программе 7-х – 9-х классов. И снова «пятёрка»!

Коля был на седьмом небе от счастья! Но торжество было преждевременным: с отличными оценками оказалось 25 человек, а вакансий было лишь 10. Командование училища принимает решение провести по математике дополнительную контрольную работу, причём для решения задач выделялось всего полчаса. Николай получает жирный «кол»...

Но ему, как часто в жизни, снова сказочно повезло. В двенадцатом часу дня, спускаясь по лестнице главного входа, ведущей к дежурному по училищу, он заметил беготню и суету. Вся дежурная служба была одета в парадную форму: ждали самого Наркома обороны К.Е. Ворошилова! Буквально через несколько минут Ворошилова и его свиту встречает рапортом начальник училища со сложнопроизносимой фамилией Мурнэек. Воспользовавшись тем, что адъютант отвлёкся, Николай стремительно влетел в кабинет начальника училища и чётко, по-военному, обратился со словами: «Товарищ маршал Советского Союза! Прошу разрешения обратиться!». Получив разрешение, продолжил: «Я – сын Анны Георгиевны, которая Вас обслуживала в Евпаторийском Доме отдыха. Прибыл сюда по комсомольской разрядке, сдал все экзамены на “отлично”, но в дополнительной работе по арифметике, произошёл случайный срыв. Прошу Вашей помощи в получении разрешения на передачу».

Пока удивлённый таким поворотом Ворошилов рассматривал зачётку, Коля – почти по гоголевскому «Ревизору» – наблюдал немую сцену, в которой невольно участвовали присутствующие

1938 г. К. Ворошилов в ходе инспекции Балтийского флота с флагманом флота 1-го ранга М. Викторовым

в кабинете. Наконец, Ворошилов произнёс, обращаясь ко всем: «Этот юноша далеко пойдёт», что-то написал в зачётке и передал её Мурнэеку. Тот тоже что-то отметил в зачётке и отдал её Коле, а Ворошилов добавил: «Можете идти передавать, и передайте мой привет и наилучшие пожелания Анне Георгиевне».

Тут Коля, как сам потом признавался, слегка дал маху: будучи без головного убора, на радостях приложил руку под несуществующий козырёк и со словами: «Спасибо Вам, товарищ маршал!», – выскочил из кабинета в адъютантскую, где тоже застыл бледный, как смерть, адъютант, проворонивший стремительный Колин «прорыв». Уже на лестнице вчерашний девятиклассник смог прочитать, что было написано в зачетке, а именно: «Начальнику училища. Допустить к передаче. В случае получения хорошей оценки рассмотреть возможность приёма. К. Ворошилов», а напротив той самой «единицы» рукой Мурнэека было надписано: «Робачевскому. К исполнению».

Пулей поднялся Николай в кабинет математики. Впечатлительный Робочевский выдал ему чистый бланк для экзаменующихся, а прочитав записку наркома, – и чью-то контрольную с правильным решением и велел для ускорения быстро всё переписать, что Николай и сделал.

Николай Петрович вспоминал об этом эпизоде с большой самоиронией. Но уж таково было его желание служить во флоте:

Николай Козуб в лагере
«Лисий нос»

в состав сводного морского полка, который должен был 7-го ноября принимать участие в параде на Красной площади в Москве. Подготовку этого полка осуществлял комбриг по фамилии Дубина. Строевая подготовка проводилась в любую погоду после занятий, в основном вечером и ночью. Комбриг был мастером своего дела, проводил занятия весело, с прибаутками и рассказами различных историй, так что ребята с вдохновением чеканным шагом маршировали по Дворцовой площади. В конце октября полк убыл в Москву. Строевые занятия продолжались на набережной Москвы-реки, а несколько раз, ночью, и на Красной площади.

В день парада, где-то около восьми часов утра, все участники заняли свои места на Красной площади. Шли, как вспоминал много лет спустя Николай Петрович, вдохновенно, получив отличную оценку кремлевских руководителей. После парада некоторые участники получили приглашение в Кремль на правительственный приём, а остальные – билеты в различные театры столицы. Моряки были одарены билетами в Большой театр на оперу «Князь Игорь». На следующий день, восьмого ноября, вечерним поездом убыли в Ленинград, и утром следующего дня они уже сидели в классах на занятиях.

нельзя было юношу остановить ничем. И он был зачислен: ещё бы, по такой-то «протекции»!

То, что Ворошилов не ошибся с «протезе», стало вскоре понятно: уже в подготовительном летнем лагере «Лисий нос» отлично физически подготовленный крымчанин стал одним из первых по строевой и шляпочной подготовке. Чуть хуже обстояло дело со стрельбой: но и это удалось со временем исправить. Уже ко второму курсу училища Николай стал пом. комвзводом, старшиной роты, а с первой половины четвёртого курса вырос до старшины курса.

И вот четвертый курс. В начале октября от училища был сформирован взвод, вошедший в

Моряки в парадном строю на первомайском параде в Москве

1937-й год ознаменовался коренными изменениями в училище. Оно стало именоваться Высшим военно-морским училищем имени Серго Орджоникидзе. Коле было трудно тягаться в учебе с курсантами, пришедшими в училище после первого или второго курса института связи, а таких было немало. Но,

по его признанию, это придало недавнему сельскому пареньку новый стимул для активной учёбы, и скоро по уровню знаний он уже почти не отличался от «студентов».

В середине апреля вновь начали формировать училищный взвод для участия в майском параде на Красной площади. Снова начались тренировки вечерами после занятий и ночами на Дворцовой площади под командованием того же комбрига Дубины. После 20 апреля тренировки проходили уже в Москве. Одну из ночных тренировок проверял командующий Московским военным округом маршал Советского Союза Будённый.

А 29 апреля место расквартирования питерцев – Чернышевские казармы посетил Нарком обороны Ворошилов. В сопровождении комбрига нарком поочередно обходил помещения. Дошла очередь и до взвода, дежурным по которому был Николай. Как и положено по уставу, он представился: «Товарищ нарком обороны! Дежурный по роте ВВМУ им. Орджоникидзе старшина Козуб!». Так судьба подарила Николаю ещё одну встречу с легендарным военачальником. Вообще на такие встречи ему сказочно везло: уже после парада его участники были приглашены в Большой театр и на торжественный приём, на котором его соседом по столу оказался легендарный Будённый! Увидев замешательство парня, он произнес: «Что, морячок, растерялся, занимай место рядом с маршалом и не бойся, я не кусаюсь».

Через минуту зал взорвался громом аплодисментов в честь руководителей партии и правительства. В центре за стол сел И.В. Сталин, справа от него Молотов, слева – нарком Ворошилов. Приглашённые в полной тишине с большим вниманием выслушали краткую речь К.Е. Ворошилова. Поступило предложение поднять бокалы. Николай, помня инструктаж, только пригубил рюмку с водкой, на что последовала моментальная реакция С.М. Будённого. Узнав, что юноша вовсе не употребляет крепкого спиртного, он изрёк: «Тогда наполняй бокал дамским шампанским».

Следующий совершенно нереальный поворот судьбы ожидал Николая по прибытии в Ленинград уже 3-го мая. Его и ещё нескольких курсантов на линейном корабле «Октябрьская революция» (или, как его запросто называли, «Октябрине») командировали с почётной миссией – представлять Советский Союз на мероприятиях в Англии по случаю коронации короля Георга VI!

Линейный корабль, названный первоначально в честь первой победы Российского флота у мыса Гангут и наречённый «Октябрьская революция» в 1925 году, был заложен 3 июня 1909 года на Новоадмиралтейском судостроительном заводе в Петербурге. В конце ноября 1914 года был включён в состав 2-й бригады линейных кораблей Балтийского флота. В начале Великой Отечественной войны линкор был перебазирован из Таллина в Кронштадт, а в конце сентября 1941 года – в Ленинград, принимал активное участие в обороне города. Мощным артиллерийским огнём он уничтожал немецко-фашистские войска в районах их сосредоточения, дальнобойную артиллерию на огневых позициях. Тысячу сто сорок снарядов главного калибра выпустил линкор по врагу за годы войны. Он уничтожил сотни солдат и офицеров противника, десятки танков, орудий, узлов сопротивления, дотов и дзотов, сбил тринадцать и повредил три вражеских самолёта.

Советскую военную делегацию на коронации британского монарха возглавлял заместитель Наркома обороны маршал Советского Союза Тухачевский. Во время похода был проведён ряд памятных инструктажей, как вести себя в тех или иных случаях, в том числе за «светским» столом, при беседах с англичанами, особенно с моряками. На двух встречах – инструктажах присутствовал сам Тухачевский. Он запомнился как удивительно простой, вежливый командир, говоривший рекомендательным, а не нравоучительным тоном, что не могло не понравиться молодым курсантам.

Все «мероприятия в Лондоне» проходили для Николая как во сне: знакомство с центром города, с Королевским дворцом, шествие королевской четы, светский бал, застолье в одном из королевских залов... Пребывание в Лондоне было кратким, но очень насыщенным, а обратный путь, как, кстати, и плавание к Туманному Альбиону, тоже штормовым. Поэтому в Кронштадт, а затем и в училище Николай возвратился не в лучшей форме и лишь через пару суток «очухался». Приходить в рабочие кондиции надо было в форсированном порядке: предстояла подготовка к экзаменам.

В разгар сессии Николай с удивлением прочитал в газете «Правда»: «Бывший член ВКП(б) Гамарник, запутавшийся в своих контрреволюционных связях, покончил жизнь самоубийством». Гамарник был начальником Главного политического управления РККА. Это известие потрясло Николая до глубины души, тем более, что никто не мог по этому случаю что-либо объяснить. А несколько месяцев спустя стало известно о смертном приговоре маршалу Тухачевскому. Тут тоже было не до вопросов... Вопросы как-то вдруг возникли как раз у политотдела, куда Николая и его коллег по английскому плаванью стали методично вызывать, и настойчиво требовали, чтобы о походе в Англию его участники особо не распространялись.

Летом 137-го года Николай проходил морскую практику в Баку: заходил на учебных судах в крупные порты Каспия: Астрахань, Гурьев, Дербент, Махачкалу, Ленкорань, Красноводск, Гасан-Кули и даже иранские порты – Астару и Шахсевар. В конце июля курсанты возвратились в Ленинград. В ходе борьбы с «врагами народа» в ленинградских школах часть педагогического состава была арестована или отстранена от работы. Было принято решение заменить их преподавателями и даже курсантами военных училищ. Николай был направлен в одну из школ Литовского района. Там ладный молодой курсант встретил девушку Тамару, с которой затем несколько раз встречался и ходил на танцы в училищном клубе. Через некоторое время ему стало известно, что Тамара – родственница самого Андрея Александровича Жданова, первого секретаря Ленинградского горкома партии. С Тамарой установились дружеские отношения – по субботам или воскресеньям они бывали на «клубных мероприятиях»: танцах, киносеансах, концертах самодеятельности. Как старшина Николай получал 25–30 рублей и имел возможность приглашать её даже в театр! В антракте «Лебединого озера» в знаменитом Мариинском театре оперы и балета и состоя-

В ходе учебы

лось краткое знакомство Коли со всеильным А.А. Ждановым, его супругой Зинаидой Александровной и сыном Юрием.

В антракте «Лебединого озера» в знаменитом Мариинском театре оперы и балета и состоялось краткое знакомство Коли со всеильным А.А. Ждановым, его супругой Зинаидой Александровной и сыном Юрием.

1938-й год подарил Николаю Петровичу сначала известие о скоропостижной смерти Тамары, а затем знакомство с первой большой любовью. В середине зимних каникул случилось увольнение, и около оперного театра он познакомился с женщиной, охотно продавшим ему лишний билетик. Уже в зале он заметил в его компании миловидную чернявую девушку. Как оказалось, мужчину звали Исаак Яковлевич, а девушку Рузаной, она была его родственницей из Москвы. Оказалось, что Исаак Яковлевич академик-химик, а Рузана – подающая надежды студентка балетной

студии при московском Большом театре и ученица средней школы, живёт в подмосковной Малаховке.

Ребятам повезло – январь был очень тёплым, и молодые люди, приглянувшиеся друг другу, кроме кино и танцплощадок сумели побывать в живописных пригородах: в Пушкине, Петергофе, «Лисьем Носу». И по-

Рузана и Николай

том они регулярно переписывались и иногда созванивались. Рузана очень ждала, когда Николая снова отправят в Москву на парад. И вот девушка уже встречает моряка у порога двухэтажного домика в Малаховке: встречает с распостёртыми объятиями...

К концу сытного ужина, затянувшегося за полночь, гость уже знал, что мать Рузаны Анна Ефимовна из известного аристократического рода Быстрицких, а отец Абрам Ефимович Массовер связан с родом известного артиста балета Асафа Мессерера, что дед и бабушка Рузаны живут в Америке. Выяснилось, что они не очень благосклонны к русским за их увлечение «огненным змием», пренебрежительное отношение к работе и якобы отсутствие должной заботы о семье. Беседа протекала под поднимаемые бокалы с шампанским за здоровье хозяев, успех будущей балерины и будущего офицера-моряка – к счастью, не особо пьющего! Николай сделал Рузана предложение, которое было с явным удовольствием принято.

Вернувшись в училище Николай узнал, что слухи о ликвидации училища связи, точнее, о создании на его базе другого, стали реальностью. Уже у входа красовалась новая вывеска – «Высшее военно-морское гидрографическое училище им. С. Орджоникидзе». Жизнь показала ошибочность этого преобразования: перед самой войной училище связи было восстановлено с присвоением ему имени изобретателя радио Попова.

Вспыхнула финская война. Несколько курсантов, среди которых был и Николай, высадились на острова Финского залива для обеспечения связи между войсками. Пусть и недолгим, но

это было боевое крещение, хотя за десять дней большинство ребят успели обморозиться. По этой причине пребывание на этих островах давало Николаю Петровичу о себе знать долгие десятилетия.

В начале мая 1940 года началась сдача государственных экзаменов и защита дипломных работ. Свою работу Николай защитил успешно. 28 мая на общевоинском построении был объявлен приказ наркома ВМФ о присвоении выпускникам воинского звания «лейтенант». Во втором приказе значилось: «Лейтенант Козуб Николай Петрович направляется в распоряжение Командующего Каспийской военной флотилии оперативным дежурным Радиоотряда». В предписании указан срок прибытия – 5 июня 1940 года. Надо ли говорить, что юный лейтенант до того и слыхом не слыхивал про этот самый отряд! По пути к месту службы Николай заехал в Москву. Родители Рузаны на сей раз не особенно восторженно встретили ленинградского гостя. Все вместе решили вернуться к вопросу о браке после окончания Рузаной балетной студии и Колиного обустройства на новом месте службы.

... «Товарищ командующий! Выпускник Высшего военно-морского училища им. Орджоникидзе лейтенант Козуб прибыл в Ваше распоряжение для прохождения службы!». Строгий, но слегка с усмешкой, взгляд в упор. Приглашение сесть и рассказать о себе (не

Николай в годы учебы
в Ленинграде

Иван Козуб на выпускной
фотографии

доложить, а именно было произнесено «рассказать»). Так состоялась первая встреча Николая с контр-адмиралом Фёдором Семеновичем Седельниковым, командующим Каспийской военной флотилией.

Легендарный флотоводец оказал впоследствии значительное влияние на формирование Николая как офицера и человека – подражать, учиться у Фёдора Семеновича было чему. Его выступления были всегда логичны, говорил он убедительно, умел акцентировать внимание на главном. Мог он и как-то по-своему делать «разносы» убедительно, без тени оскорбительности. И ещё одна характерная черта: он никогда не перебивал выступающего, выслушивал его до конца, делая заметки в блокноте. Только в конце выступления или в своём заключительном слове одобрял или опровергал выступавшего.

К концу разговора с командующим молодому лейтенанту стало ясно, что Отряд – это специальная часть, формируемая для ведения радиоразведки, именуемой также «спецдеятельностью». Прощаясь за руку, командующий вдруг произнес: «Чуть не забыл спросить: при каких таких обстоятельствах вы давали обещание Наркому служить только на “отлично?”». Николай кратко рассказал и о знакомстве в Евпатории с Ворошиловым, и об обращении к нему при поступлении в училище связи.

(Остаётся только гадать, что сказали бы сослуживцы Николая Петровича при виде современной карты Каспийского региона! – А. Т.)

Командующий только подивился такому везению.

Чем же занимался этот необычный Радиоотряд Каспийской военной флотилии? Господство Великобритании на Ближнем Востоке и всё усиливающееся в конце 30-х и начале 40-х годов влияние Германии, особенно в Иране, диктовало настоятельную необходимость усиления разведывательной деятельности ВМФ. Ведь между зонами ответственности Черноморского и Тихоокеанского

флотов, где к этому времени уже была организована радиоразведка, существовала неконтролируемая зона от Персидского залива вплоть до Бенгальского пролива.

В соответствии с приказом Народного Комиссара ВМФ от 16.12.39 г. на Каспийской флотилии был создан Береговой отряд (так в документах на первых порах официально назывался Радиоотряд), первым командиром которого стал капитан Иван Ефимович Маркитантов. В отряде было налажено обучение специальной группы из 12 призывников по программе корабельных радиотелеграфистов, в том числе и по приёму и передаче иностранного текста. 20 апреля 1940 года Маркитантов с группой матросов прибыл в Мардакяны, посёлок городского типа в 35 км восточнее Баку. Здесь на окраине начинается формирование вспомогательных, а затем и основных специальных подразделений. (Забегая вперед, скажу, что после войны Радиоотряд Каспийской военной флотилии неоднократно передислоцировался. Ещё до распада СССР, в частности, в Чечню, где его приняли очень тепло и оказали всяческое содействие.) О том, что в Мардакянах – этой ныне преимущественно курортной зоне – в годы войны располагалось важное разведподразделение, не напоминает почти ничто. Разве что, согласно картам, шоссе с пафосным названием «Мардакан Хайвэй» переходит в центре посёлка в улицу под экзотическим названием «Серджи Йесенин»...

К моменту прибытия лейтенанта Козуба в Отряде было развёрнуто два двухместных боевых поста, а через некоторое время был смонтирован радиопеленгатор. Ведение собственно «специальности» началось, спустя пару месяцев после прибытия нескольких радистов из аналогичного Черноморского Отряда, у которых были навыки осуществления поиска, перехвата и радиопеленгования в радиосетях. Они сразу же включились в боевую работу. То же делал и Николай, не только на практике применяя полученные в Ленинграде знания, но и постигая многое, как говорится, «на лету».

Весной 1940-го года Николай вырвался в Москву к сильно тосковавшей по нему Рузане – молодые люди ведь твердо решили пожениться! Надо сказать, что её родители вновь без особой радости отнеслись к этому важному событию. Но молодожёны твердо решили: Николай возвращается в Отряд, снимает квартиру или комнату в Баку. Родственники Рузаны решают вопрос о её переводе из Большого театра, куда она была распределена после окончания учёбы в балетной студии, в Бакинский оперный

театр. Рузана с родственником Асафом проводили Николая на бакинский поезд.

Тем временем для Отряда был утверждён перечень должностей: командир, комиссар, два оперативных дежурных, переводчик, 12 матросов срочной службы (в том числе 6 радиотелеграфистов), финансист, кок, шофёр, старшина-хозяйственник. Но объём работы оказался колоссальным, и к сентябрю Отряд уже насчитывал 5 офицеров, 25 срочно- и сверхсрочнослужащих и двоих вольнонаемных. На боевых постах несли вахту 12 радиотелеграфистов, из которых 5 сверхсрочников, имевших практический опыт несения вахт в дивизионах. Они вели поиск, перехват и пеленг на 4–6 боевых постах.

С начала 1941 года и в последующие предвоенные месяцы Отряд пополнился офицерами, опытными старшинами - сверхсрочниками, рядовыми матросами и вольнонаемными. Шло дальнейшее «выбивание» радиотехнических средств. Одновременно с ведением спец. деятельности постепенно налаживалась регулярная боевая и политическая подготовка. Появились и новые направления работы. Так, в начале февраля была поставлена информационная задача по исследованию действий Вооруженных Сил и полиции Ирана. Буквально через несколько дней старшина Айрапетов обнаружил радиосеть, обслуживающую полицию. В этой сети проходили открытые и примитивно кодированные данные по армии и полицейскому департаменту Ирана, а также некоторая информация по их «покровителям» – американцам и англичанам, крайне ценная для советского командования.

Не только важной для страны разведдеятельностью приходилось заниматься вновь созданному Отряду: используя связи азербайджанца Рамазана, командованию удалось добиться от близлежащего колхоза получения 5 гектаров земли для развертывания подсобного хозяйства. Заполучив из Кировоградского горвоенкомата сверхсрочника по фамилии Кадыгроб, обработали участок под огороды. Его сельскохозяйственный опыт позволил успешно выращивать огурцы, помидоры, кукурузу и картофель. Затем, связавшись с Красноводским райвоенкоматом, удалось перевести в Отряд опытного рыбака Фёдорова, с помощью которого организовали ловлю рыбы. Всё это способствовало созданию нормальных условий для выполнения основного предназначения Отряда.

Но важным элементом жизни советского офицера было и наличие верной и любимой подруги. И вот Николай берёт кратко-

временный отпуск и мчится в Москву. Снова жёсткий, даже враждебный приём родителей Рузаны. «Опомнились» они только в последний миг: приехали на вокзал провожать молодых в Азербайджан...

В Баку, прямо с поезда забежав в снятую в городе комнату, счастливые молодожёны зашли в театр и договорились с главным балетмейстером об её приёме и предоставлении двухнедельного отпуска, затем уехали в Мардакяны обустраивать совместную обитель. После окончания отпуска Рузана перебралась на городскую квартиру и пропадала в театре от зари до зари: молодой любящий муж лишь изредка, когда позволяла ответственная служба, мог вырываться к ней на ночь. Но и этим минутам счастья не суждено было продолжаться долго. Ведь шёл 1941-й год...

...В ночь с 21-го на 22-ое июня оперативным дежурным Радиоотряда был младший лейтенант Прохоров, обеспечивающим переводчиком Рамшина, дежурным по части старший сержант Давидян. Всё шло установленным распорядком: согласно расписанию неслись вахты и наряды, было проведено увольнение на выходные свободного личного состава. Находившийся в части военнослужащие после просмотра кинофильма «Трактористы» отправились спать. Была спокойная, тёплая звёздная ночь.

Около четырех часов утра радисты постов перехвата обратили внимание на увеличение интенсивности радиообмена и повторяющееся упоминание названий советских городов и военно-морских баз. В комнате Николая Петровича раздался звонок: было приказано срочно явиться в часть. Даже из беглого просмотра перехваченного английского текста стало ясно: началась война. Немедленно вызванный переводчик подтвердил это. Отряд был приведён в боевую готовность N 1.

Об этом эпизоде Николай Петрович всегда рассказывал в беседах с молодыми военными моряками в назидание: спецработа никогда не должна знать периодов расслабления, у нее не может быть мирного и военного времени, «подвыходного», выходного или праздничного дня. Ведь хорошо известно, что вооруженные силы иностранных государств, как правило, начинают даже учения по связи в нерабочие дни, в ночное время. И если бы оперативное дежурство было организовано так, что и переводчик находился бы не на квартире, а в оперативном отделении, то Отряд мог доложить о нападении Германии на Советский Союз на пару часов раньше, а каждая минута в такие критические мгновения стоит очень дорого.

22 июня вся флотилия была переведена в готовность № 1 и подчинена Командующему Закавказским фронтом. В начальный период войны по-прежнему основными районами действия флотилии являлась южная часть Каспийского моря.

Во время выступления по радио председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.И. Молотова весь личный состав, за исключением отпускников и командировочных, находился в отряде. Были развёрнуты дополнительные боевые посты, усилена охрана. В тот же день выделили четырёх наиболее подготовленных радистов для изучения, по ранее поступившим квартальным сводкам Балтийского и Черноморского Отрядов, сетей немецких ВВС: командование Радиоотряда полагало, что в дальнейшем может быть поставлена задача ведения наблюдения и за ними.

С этого времени и до конца 1943 года на боевых постах вахты были почти всегда двухсменными, круглосуточными. Радистам на отдых между дежурствами оставалось от силы три – четыре часа. Такая изнурительная работа действовала как на зрительные, так и на слуховые органы. А если учесть, что нередко работа, требующая повышенного внимания, порой велась в условиях бомбёжек, риска для жизни, – неудивительно, что это отражалось и на психическом состоянии людей. Поэтому эта категория личного состава была под постоянным контролем медиков, благо заблаговременно заведённое подсобное хозяйство позволяло организовывать усиленное питание. Тем не менее, некоторых радистов приходилось время от времени помещать в неврологическое отделение госпиталя.

В конце июля Николай с волнением открыл конверт: пришло письмо от матери. Она сообщала, что брат Ваня добровольцем ушёл на фронт, но самое страшное: в конверте было вложено извещение о героической гибели Колиной сестры Марии Петровны, с первого дня войны ушедшей медиком в партизанский отряд, действовавший в приграничном районе Белоруссии. Отряд был разгромлен фашистами... Николай очень горевал по любимой сестре, но осознание того, что в этой войне гибнут сотни и тысячи советских людей, заставило его взять себя в руки и с остервенением, круглые сутки, невзирая на бомбёжки, выполнять свой долг перед Родиной. На сон, как и у радистов, у него оставалось по 3 – 4 часа, не больше...

В течение 1941-го года, как и в довоенное время, главным направлением деятельности Отряда оставались ВВС Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, иранские и английские ВМС в

Каспийском море и иранские полицейские радиосети. Периодически также велось наблюдение за радиосетями ВВС Турции. В целях обеспечения безопасности южных границ СССР Советское правительство, руководствуясь Советско-Иранским Договором, решило ввести войска на территорию Ирана. Вскоре флотилия начала принимать участие в перевозке войск, выделив для этого соединение кораблей в составе 50 единиц. Операция готовилась и проводилась под личным руководством контр-адмирала Ф.С. Седельникова. На это соединение кораблей была направлена группа радистов Отряда из четырёх человек во главе со стар-

шим сержантом Л.И. Южаниным, которая совместно с корабельными радистами участвовала в обеспечении связи соединения: побывал на этих кораблях и лейтенант Козуб. Посты приёмного центра, на которых велось наблюдение за иранскими радиосетями, были укомплектованы лучшими радистами во главе со старшиной Айрапетовым. Работа группы радистов была положительно оценена лично Командующим флотилией.

В связи с продвижением немецких войск вглубь нашей территории осенью 1941 года возникла угроза нарушения коммуникаций в Северной части Каспийского моря и проникновения противника к воротам Закавказья городу и порту Махачкале. С учётом создавшегося положения на Кавказском и Сталинградском направлениях во втором квартале 1941 года в Отряде было дополнительно открыто два поста для освоения радиосетей германских ВВС южного и центральных направлений. В декабре 1941 года высадившимся в Иране подразделениям флотилии была придана группа Отряда в составе 4 радистов (Айрапетов, Коплик, Локтионов, Яценко). Группу возглавлял лейтенант Бабицкий. Она в течение трёх месяцев обеспечивала командование флотилии данными по обстановке в приморском районе Каспийского иранского побережья и северных провинций Ирана.

Планируя захват Кавказа, Гитлер хотел воспользоваться представившейся ему летом 1942 г. уникальной возможностью. Поскольку США и Великобритания не выполнили своих обязательств об открытии второго фронта в Европе, германское командование могло сосредоточить на советско-германском фронте максимальное количество войск и нацелить их на захват Кавказа, после чего планировалось нанести второй удар на московском направлении. В июле 1942 г. в директиве Объединенного германского командования «Восток» была поставлена задача парализовать движение наших судов по нижней Волге и Каспийскому морю, чтобы нарушить воинские перевозки и транспортировку нефтепродуктов. Создалась непосредственная угроза прорыва противника в Закавказье и захвата устья Волги. Железнодорожные магистрали, питавшие Черноморский флот, Закавказские республики и флотилия оказались бы в руках противника. Радиус действия авиации достигал южного побережья Каспия. Фашисты приступили к нанесению систематических бомбовых ударов по базам и коммуникациям Северного Каспия и Астраханскому рейду. Наряду с этим, самолеты ставили мины в районе Махачкалы, в Волго-Каспийском канале и на Волге до селения Замяны.

Осенью 1942 года немцы даже создали свой штаб каспийской флотилии и отрядили для неё силы, которые планировали пустить в дело немедленно по достижении Махачкалы. Возможность появления немецких сил на Каспии обсуждалась на самом высоком уровне. Известно разведывательное донесение, о котором Уинстон Черчилль сообщил в письме на имя Сталина 30 сентября 1942 года:

"Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии".

В апреле – мае 1942-го года в районе Бейдер-Шах (Иран) и в районе севернее Астрахани были развернуты новые радиопункты. В первой половине мая на базе Астраханского пункта создана Астраханская оперативная группа, возглавить которую поручили Н.П. Козубу. Заместителем стал главный старшина Коплик. Астраханская оперативная группа подчинялась начальнику по-

ходного штаба КВФ, находившемся в Астраханской ВМБ. В сентябре в районе Орджоникидзе (село Майрамадаг) и в октябре в районе Гурьева были развернуты ещё по одному пункту. На всех радиопунктах, наряду с радиопеленгаторными постами, были посты поиска, слежки и перехвата и посты радиосвязи с Отрядом. Численность личного состава радиопункта составляла от 12 до 18 человек. Охрана и обеспечение, как правило, осуществлялись тем же личным составом.

В течение второй половины 1942 г. – первой половины 1943 г. произошли значительные изменения и дополнения как в штате отделения флотилии, так и в Отряде. В штабе КВФ была введена должность помощника начальника отделения по радиосвязи, в исполнение которой в октябре 1942 года вступил инженер-майор Сергей Давыдович Курляндский, ранее служивший в аналогичной должности на Балтике. Он имел большой организаторский и практический опыт ведения спецдеятельности за действующи-

*Коллеги!
Мояму нагазонку по войне и
лучшему другу по жизни!
Анатолий
21.05.1970*

Ветераны войны и друзья – Н.П. Козуб и Н.И. Смирнов

ми ВВС и ВМС Германии. В это же время переводчик Николай Иванович Смирнов переводится в отделение штаба флотилии. Он пользовался заслуженным авторитетом, был профессионалом высочайшего класса. Прослужив там до окончания войны, уходит в звании капитана в запас. Возвращается в Московский институт Востоковедения, затем работает в МИДе, где занимает ряд ответственных должностей. Был послом в Пакистане, Вьетнаме, секретарём посольства в Индии и ответственным представителем СССР в ЮНЕСКО.

11 августа 1942 года Приказом наркома ВМФ Каспийская военная флотилия была включена в состав действующих сил Военно-Морского флота СССР. Корабли флотилии сопровождали транспорты с нефтью и грузами, осуществляли боевое траление, выполняли задачи ПВО в своей зоне, высадили оперативный десант. В августе флотилия без потерь перевезла из Астрахани в Махачкалу 10-й и 11-й гвардейские стрелковые корпуса, а в сентябре из Красноводска в село Оля (севернее Махачкалы) – 4-й кавалерийский корпус.

Войска помогли остановить противника, а затем сыграли важную роль в контрнаступлении Северной группы войск Закавказского фронта. В ответ на это противник усилил удары авиации по нашим коммуникациям, особенно на Астраханском рейде, и в течение октября – ноября 1942 года потопил и повредил 32 судна и баржи.

При напряжённой обстановке в декабре 1942 года, при неимоверной загрузке личного состава, особенно радиотелеграфистов, всё же было решено организовать встречу Нового года. С помощью жены Рузаны Николай связался с Бакинским концертным объединением и добился выделения артистической группы из шести человек, среди которых были народные артисты Азербайджана: примадонна балета оперного театра, народная артистка Гамар Алмазаде, оперный певец, народный артист СССР Лопаткин, заслуженная балерина Михайличенко, конечно же, балерина Рузана Быстрицкая, а также другие замечательные артисты. Концерт прошёл на стыке уходящего и наступающего года в расположении Радиоотряда, и это позволило присутствовать на нём и тем, кто возвращался с вахты, и тем, кто на неё заступал в полночь. После концерта матросы заняли места за праздничным столом в матросской столовой, а офицеры и сверхсрочники с жёнами вместе с артистами в кают-компани. Помнится, дивились, куда делась чопорность артистов, с голодухи набросившихся на обильно и лю-

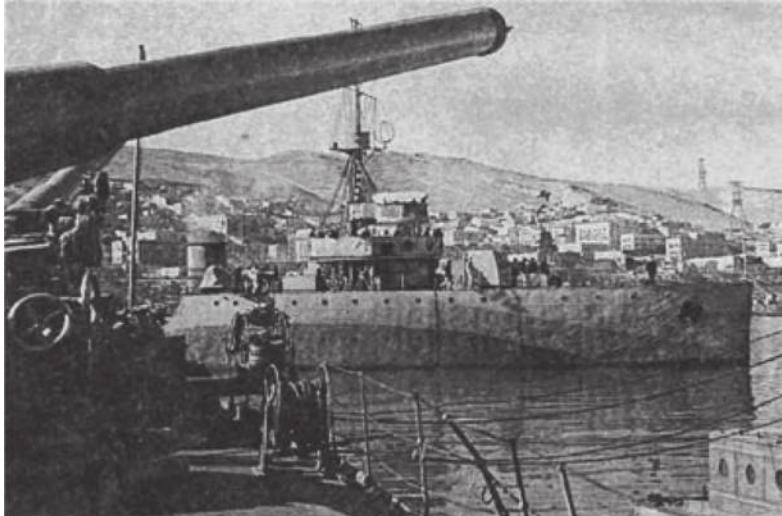

Наум Соломонович Фрумкин (в центре)
во время инспекции одного из кораблей

бовно сервированный стол. Вот что значит – вовремя «поставить на крыло» подсобное хозяйство!

В середине 1943-го года происходит корректировка штатных расписаний Отрядов флотов и флотилий. Так, в начале июня 1943 командиром Отряда приказом Командующего флотилии был назначен старший лейтенант Николай Петрович Козуб.

26 июля 1943 года утром Николая Петровича вместе с полковником Фрумкиным должны были вылететь в Астрахань, где им предстояло начать работу одной из новых оперативных групп Отряда. Но по прибытии на аэродром Баку возникла неподвижная ситуация: место Козуба было предоставлено заместителю комиссара нефтяной промышленности СССР Николаю Константиновичу Байбакову, а моряк улетел только спустя два часа другим четырёхместным самолетом. Примерно за полчаса до полёта к Астрахани справа от транспортника появился немецкий «Юнкерс», открывший по нему огонь. Командир самолёта смог только войти в штопор, из которого сравнительно долго не мог выйти. Началось резкое снижение, и где-то у самой морской поверхности лётчику удалось, наконец, вывести его в горизонтальное положение и продолжать полет на незначительной высоте от поверхно-

На Бакинском рейде в годы войны

сти моря. Спустя еще несколько минут самолет набрал высоту до пяти-семи сот метров над морской гладью, а ещё через десяток минут он благополучно произвёл посадку в Астраханском аэропорту. В самолёте напротив Николая сидел чёрный, как смоль, старшина органов фельдсвязи, армянин. А по выходе из самолёта перед Николаем стоял державшийся, молодцом, но совершенно седой парень. В отличие от Николая он расслышал слова пилота, направившего машину в штопор: «Товарищи, прощайтесь, нам как-то»...

...С июля 1942 года пылали Сталинградская битва (до конца февраля) и битва за Кавказ – до октября 1943 года, а поэтому для Отряда, а точнее для его Астраханской группы, это время явилось, пожалуй, самым напряжённым и ответственным. Велась разведка фактических действий и планов противника, действовавшего в непосредственной близости. Создались объективные условия для более полного и эффективного обнаружения и перехвата радиосетей, обслуживающих немецкие базы и самолёты.

В оперативной группе боевые посты вели наблюдение и перехват восьми – десяти радиосетей ВВС Германии, действовавших на Северном Кавказе и Сталинградском направлении. 26.8.42 г. в 21.30 боевыми постами был зафиксирован вылет с аэродрома Элиста трёх звеньев самолётов авиационного соединения Ридгофена, представителя знаменитой германской семьи авиаторов, и запе-

ленгован радистом Тихниным вражеский перелёт линии фронта. Анализ и сопоставление с другими признаками позволили Николаю Петровичу сделать предположение о движении этих звеньев в направлении Астрахани. Однако командование по какой-то причине отнеслось к этим данным с недоверием. И, как показали дальнейшие события, напрасно: в полночь 27 августа над Астраханью немецкие самолёты поставили «зажигалки» и при освещении начали наносить бомбовые удары по городу и Астраханскому рейду.

Буквально через трое суток к докладу Отряда о том, что «в районе мористее² Астрахани вторые сутки висит немецкий самолёт-разведчик и передаёт короткие кодированные радиogramмы», по-прежнему отнеслись скептически. Вскоре советский ас сбил этот злополучный самолёт. Экипаж был взят в плен. Показания пленных, допрос которых проводил полковник Фрумкин, подтвердили добытые радистами и переводчиками данные.

После этого случая к данным, поступавшим из Отряда, стали прислушиваться значительно внимательнее. В указанный период Отряд эффективно выявлял соединения немецкой авиации, действовавшие с аэродромов Элиста, Пятигорск и Армавир. Предупреждали командование о предполагаемых налётах на Астрахань (шесть раз), Астраханский рейд (восемь раз) и о полётах самолётов в устье Волги для постановки мин (пять раз). Только за третий квартал 1943 года было доложено о вылетах 1560 самолетов противника, вскрыто 27 аэродромов базирования немецкой авиации и выявлено прекращение деятельности 18 вражеских аэродромов.

Эффективность применения сил ПВО во многом зависела от своевременности получения ими такого рода бесценной информации о направлении полётов. Оповещение воздушной разведки о прорыве вражеских самолетов позволяло заблаговременно поднять краснозвёздную авиацию в воздух, а зенитные средства привести в готовность.

...Война – это пора горьких потерь, причем таких, каких порой и не ждёшь. Николай Петрович, уже неоднократно бывавший к тому времени на волосок от гибели, сам терявший многих товарищей, и не ведал, какой удар готовит ему судьба.

2-го сентября 1943 года лейтенант Козуб находился в походном штабе флотилии. Оперативный дежурный передал ему просьбу срочно связаться с его заместителем мичманом Копликом. Услышанное сразило наповал: из прифронтовой воинской

---

² Морской термин «мористее» означает, что корабль находится дальше от берега, чем другие. (Прим. автора)

части поступило сообщение о гибели группы артистов Бакинского горконцерта, выступавших перед фронтовиками. Среди погибших была и его любимая супруга Рузана.

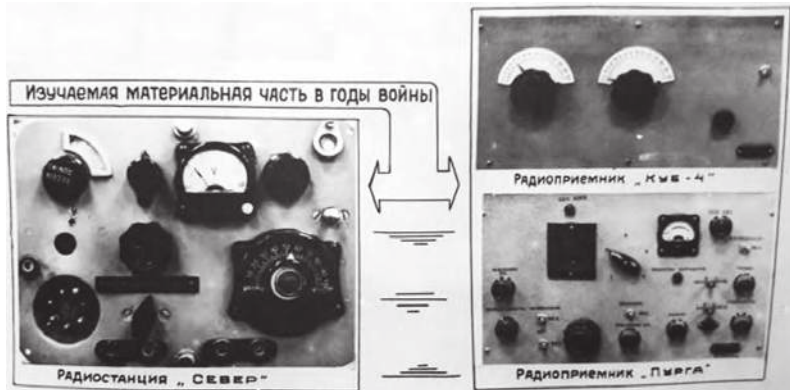
Николай получил увольнение, прибыл в Баку и узнал подробности трагедии от единственного чудом оставшегося в живых участника концертной бригады. Во время выступления, организованного на опушке леса на платформе двух спаренных грузовых автомашин, произошёл внезапный налёт немецких самолётов. Бомбы в течение секунд превратили место концерта в кровавое месиво. Все артисты и почти все окружавшие платформу защитники Родины погибли: останки большинства даже невозможно было опознать. Не сумев найти тело Рузаны, Николай в ужасном состоянии возвратился в Астраханскую группу.

Но боевая жизнь продолжалась, она немного заглушала горе новой утраты. В октябре – декабре 1943 года радисты Отряда приняли участие в работе специальной группы «ЦЕНТР». Об их успешной деятельности свидетельствует приводимый доклад начальника отдела ГМШ ВМФ начальнику Главного Управления контр-адмиралу М.А. Воронцову. – «С 27 октября по 15 декабря в группе “ЦЕНТР”, выполнявшей специальное задание по вскрытию немецких и английских агентурных сетей на Черноморском побережье и Балканах, принимали участие радисты Отряда КВФ в составе: гл. ст. Советкина В.Я., ст. 2 ст. Яценко Д.М., ст. краснофлотцев Корнюшенко И.Г., Сизоненко В.И., Самсонова Л.С., которые своей настойчивостью и инициативной работой обеспечили и значительно ускорили выполнение задач. Особенно отличился гл. ст. Советкин, который заслуживает представления к награде медалью “За боевые заслуги”. Выше именованный личный состав Отряда заслуживает поощрения».

1943 год, как известно, был годом постепенного освобождения Советского Кавказа от гитлеровской нечести. С 8 октября был полностью освобожден Таманский полуостров и, тем самым, в результате согласованных действий Северо-Кавказского фронта, Черноморского флота, Азовской военной флотилии и авиации, закончен последний этап битвы за Кавказ. Этот же 1943 год стал самым напряжённым периодом спецдеятельности КВФ: радиотряд развертывал до четырёх пунктов слежения, до 12 – 14 боевых радиопостов, контролируя до 28 радиосетей и от 80 до 90 радиостанций одновременно.

Со второй половины октября прекращается разведывательная деятельность Астраханской оперативной группы; часть лич-

На такой технике работал в годы войны Радиоотряд

ного состава с техникой возвращается в Мардакяны. Но в начале ноября был получен приказ об усилении наблюдения за всеми радиосетями с акцентом на выявление новых радиосетей Ирана, а также об открытии дополнительного второго поста в интересах дешифровальной службы. Как стало известно впоследствии, это усиление контролировавшегося радиообмена было связано с проведением Тегеранской Конференции руководителей трёх союзных держав – СССР, США, Великобритании, – проходившей с 28 ноября до 1-го декабря 1943 года. Несколько позже оказалось, что по линии дешифровки были получены важные сведения, за дешифрование которых начальник этой службы ст. л-т Стихин был награждён орденом «Красной звезды».

Поскольку объекты радиосети и радиостанции Великобритании, США и Ирана были под постоянным наблюдением как в предвоенный, так и послевоенный период, отслеживание их деятельности не представляло большой трудности для набравшегося к тому времени опыта военных Отряда. К тому же объекты «спецдеятельности» зачастую не относились серьёзно к маскировке передач, работали открытым текстом, не подозревая, видимо, что советскому командованию становится известно содержание радиообмена. Всё это облегчало установление местонахождения аэродромов и баз, полётов и переходов, манёвров и учений.

Наблюдение за силами США и Великобритании и в послевоенный период в основном осуществлялось в акватории Персидского залива, где отрабатывались задачи боевой подготовки, проводились учения, доставлялись грузы для находившихся на Ближнем Востоке сил.

Без особого труда фиксировались их заходы в Басру, Хоремш, Бендер-Шахпур, Абадан, Бушир, Бендер-Аббас. В южной части Каспийского моря поисковыми и радиопеленгаторными вахтами изредка фиксировалась шахская яхта и несколько катеров береговой охраны в районах Пехлеви, Шахсевар, Горган. Радиоработа командованием флотилии оценивалась весьма положительно. В результате многие военнослужащие отряда были отмечены высокими наградами, орден «Красной звезды» украсил и парадный китель Николая Петровича. И надо же такому случиться: как раз в эти дни лейтенант Козуб получает письмо от командования фронтовой воинской части с извещением о героической гибели брата, рядового Козуба Ивана Петровича. После этого он был одержим одной мыслью: день и ночь, несмотря на уже стихающие бомбёжки и невероятную усталость, делать все возможное, чтобы разбить ненавистного врага, вторжение которого унесло жизни его жены, сестры и брата.

И на посту командира Радиоотряда Николай Петрович делал всё, чтобы оккупанты были повержены. Дисциплина в подразделении была образцовая, вахты неслись бдительно. Кстати, это стремление к порядку ветеран пронёс через всю жизнь: уже в середине восьмидесятых годов автор этих строк немало дивился, увидев, что на подмосковной даче Козубов даже ровные стопки

Знакомым Николая Петровича (в президиуме второй справа) был Евгений Степанович Березняк, один из спасителей города Кракова, прототипов главного героя романа и фильма «Майор Вихрь»

журналов лежали строго параллельно краю стола, за что активно ратовал хозяин дома! И было это отнюдь не солдафонство, а совершенно органичная жизненная позиция человека, привыкшего к порядку во всем.

В условиях постоянных физических и умственных нагрузок, выпавших на долю служащих Радиоотряда, необходимо было подумать о занятиях физподготовкой. Николай Петрович и здесь оказался на высоте: со второй половины 1943 года в Отряде начали активно работать спортивные секции: лёгкой атлетики, рукопашного боя. Волейбол и футбол постоянно заполняли интервал краткого свободного времени офицеров, старшин и матросов. В 1944 году был завоёван приз – переходящий серебряный кубок и четыре грамоты за первые места среди частей и подразделений флотилии.

Кстати, много лет спустя, уже почти девяностолетний ветеран не оставлял занятия гимнастикой: поэтому до самых последних дней своей долгой и насыщенной событиями жизни Николай Петрович сохранял бодрость духа и особую, присущую только нашим профессиональным военным молодцеватость.

...Через несколько месяцев после войны маршал Советского Союза Г.К. Жуков, объезжая округа, нагрянул в Баку. Готовились к его приезду основательно, хотя Мардакянский гарнизон и не входил в перечень мест, намеченных для посещения. Но произошло непредвиденное. Руководители Азербайджана предложили маршалу Победы посетить загородную резиденцию на берегу моря в Бузовнах, находящуюся недалеко от Мардакян. К вечеру стало известно, что маршалу будут показаны близлежащие достопримечательности, оповестили и гарнизон в Мардакянах. С местным руководством было решено находиться в центре поселка в Доме культуры, который выделялся своей архитектурой. И не ошиблись: часа через полтора после сбора солидный автокортеж остановился именно здесь. После советских и партийных руководителей, представившихся маршалу, дошла очередь и до Николая Петровича. То крепкое рукопожатие он вспоминал всю жизнь!

В 1947 году капитан первого ранга Козуб получает новое назначение в Главный штаб ВМФ со сроком прибытия к месту новой службы 3 мая. Без тени неискренности Николай Петрович вспоминал, что воспринял это повышение без особого восторга: уж больно прикипел он и к работе, не прекращавшейся и после войны, и к южным пейзажам, и, конечно, к сослуживцам.

Неудивительно, что, и неся службу в Главном штабе ВМФ, Николай Петрович никогда не упускал из поля зрения свою часть,

всегда интересовался её жизнью, успехами. Вместе с другими ветеранами был почётным гостем юбилейных торжеств, посвящённых 45-летию и 50-летию Отряда, на которых именно капитан первого ранга Н.П. Козуб огласил поздравление Главнокомандующего ВМФ. На праздновании 50-летия отряда Николай Петрович впервые услышал стихи капитана первого ранга Евгения Кирилловича Никитина, ветерана Центрального Морского Радиотряда ОСНАЗ Разведки ВМФ, ставшие неофициальным гимном наших радиоразведчиков. Вот эти строки:

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник вручает Николаю Петровичу орден Боевого Красного Знамени

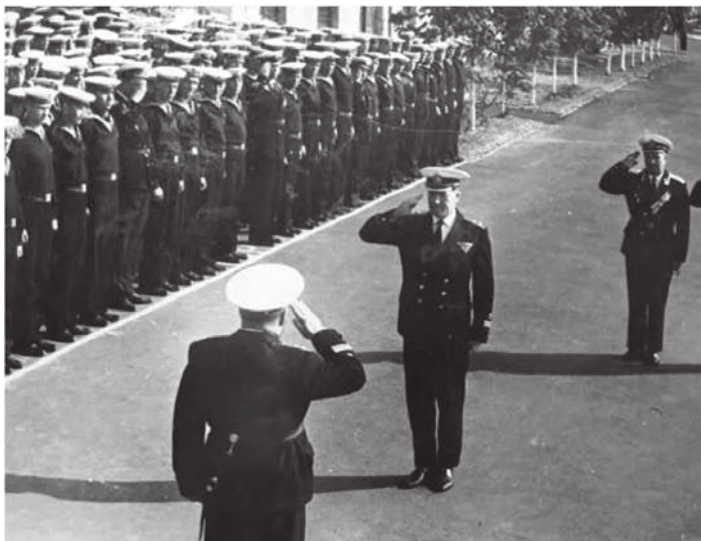
Мы применяли ламповые рации
И спутники с космических высот
Для сбора достоверной информации,
Снабжая ей родной военный флот.

Оценку обстановки даём метко.
Без лишних слов и розовых прикрас.
Мы – ветераны радиоразведки.
И Родина надеется на нас.

Мы знаем, что в морях и океанах,
Вдали и возле наших берегов,
В тумане политических обманов
Ещё немало прячется врагов.

В простых делах и сложных ситуациях
Нас будут помнить много-много лет.
Как помним мы те старенькие рации,
Когда вокруг давно уж Интернет.

Коль живы корни, не завянут ветки.
И дети скоро встанут с нами в ряд.
Мы – ветераны радиоразведки.
Наш отчий дом – морской Радиоотряд.

45-летие Радиоотряда. Командир рапортует командиру военных лет.

С середины 70-х годов неутомимый и всегда подтянутый Николай Петрович работал заместителем директора Государственного проектно-конструкторского института подводных аппаратов. И снова его рабочий график полон командировками, встречами с молодежью, в том числе армейской. И, как всегда – упорными занятиями физкультурой и английским языком, которых он не оставлял до последних дней жизни.

...С волнением открывая толково отсортированные и снабженные всей необходимой информацией фотоальбомы Николая Петровича, наталкиваюсь не неожиданный, скажем так, подзаголовок:

«Моя актёрская деятельность в кино (1967 г.)». При всём уважении к нашему герою и приписываемым Лиону Фейхтвангеру крылатым словам о том, что талантливый человек талантлив во всём, с удивлением узнаю: Н.П. Козуб, обладавший и впрямь яркой внешностью, сыграл как минимум в двух советских фильмах: военно-приключенческом фильме Леона Кочаряна «Один шанс из тысячи» и в фильме Станислава Говорухина «День ангела»! В эпизодах, конечно. В фильме Говорухина герой Козуба говорит: «...знайте, со мной не страшно и в аду!»

Пересмотрел я этот говорухинский фильм 1968-го года – и видится в этой реплике какой-то особый смысл. Да, совершенно не страшно было жить в гордой и самодостаточной Советской стране,

на страже которой стояли такие люди, как Николай Петрович Козуб: бесстрашные, умелые и преданные Родине!

В совершенно опереточном военно-приключенческом фильме Леона Кочаряна «Один шанс из тысячи» германский воинский чин выстрелом

из пистолета даёт старт велопробегу с участием марых нацистов, волею авторов сценария в 1942-м году почему-то скучавших в некоем крымском санатории. Кто бы мог подумать, что этого статного, кажется, полковника играет полковник советский, бывший командир радиоразведки Каспийской военной флотилии!

«Партнерами» Николая Петровича по съемкам, которые в благодатных крымских краях вела компанией друзей с пресловутого Большого Каретного (Кочарян, Тарковский, А. Макаров, А. Свицерский и другие), были такие звезды, как О. Халимонов и даже великий джазмен Эдди Рознер! А мог быть и В. Высоцкий: да вот отказался от съемок, сославшись на занятость...

И хотя заметно, что и на стадии написания сценария, а также в процессе съемок советская творческая элита не отказывала себе в традиционных для себя гастрономических пороках, фильм запомнился парой крылатых фраз: «Обещал баклан ставриде, что устроит в лучшем виде» и особенно «Пусть-чок, а приятно».

Зато другая небольшая киноработа Николая Петровича изобиловала разного рода почти крылатыми фразами-намекками. В фильме Станислава Говорухина «День ангела» речь идет о пожаре на пассажирском пароходе «Цесаревич», совершающем в 1907 году переход из США в Одессу. Актерский ансамбль был здесь

Кинороли Н.П. Козуба

хоть куда: Иван Переверзев и Николай Крючков, Евгений Жариков и обворожительная Наталья Фатеева. Но перлами о гибнущей России, в основном собственного сочинения, тут сыпал игравший разорившегося купца Грызлова великий Борис Андреев («Девять баллов? Мало, для России нужно землетрясение»; «Крысы бегут с корабля России»).

Пассажиры эвакуируются с горящего парохода. И некая дамочка обращается к мускулисту мужчине в галстук и модной соломенной шляпе с темной лентой: «Мне страшно – в лодке, по волнам!» На что герой Николая Петровича (впрочем, озвученный поставленным актерским голосом – аристократичный пассажир первого класса вряд ли мог изъясняться с украинским акцентом!) отвечает: «Не бойтесь: знайте, со мной не страшно и в аду!»

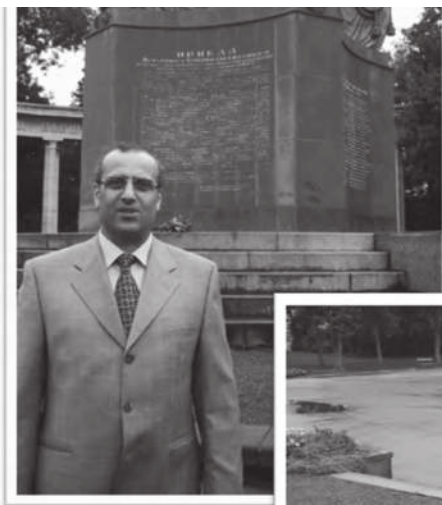
Пересмотрел я этот говорухинский фильм 1968-го года – и видится в этой реплике какой-то особый смысл. Да, совершенно не страшно было жить в противоречивой, но гордой и самодостаточной Советской стране, на страже которой стояли такие люди, как Николай Петрович Козуб: бесстрашные, умелые и преданные Родине!

Сорок шесть лет отдал он, когда-то простой деревенский паренек, в детстве изъяснявшийся на звучной смеси русского и украинского, Военно-морскому флоту и радиоразведке – почётной, требующей высочайшей квалификации и образования, крайне необходимой Отчизне службе. Прожил немислимо долгую и насыщенную горестями и радостями жизнь, на склоне которой – только представьте себе! – успел даже немного поработать в бизнесе.

Проходя с друзьями тёплым майским днем по улицам Москвы в составе «Бессмертного полка», мы отдаём дань памяти и преклоняемся перед этим стальным поколением, ценой невероятных усилий и потерь отстоявшем наше право на жизнь. Нестигаемого поколения, к которому принадлежали десятки солдат этой страшной войны, которых мне посчастливилось лично знать. Героического поколения, к которому принадлежали мой отец старшина войск связи а затем доктор наук Игорь Всеволодович Турбин и его друг капитан первого ранга Николай Петрович Козуб.

А фонд «Энергия», ведущий в наши дни разработку нефтегазовых месторождений в Сибири и на Ямале, во многом продолжает военно-патриотические традиции, заложенные полтора

десятилетия назад в бытность учредителя фонда И.Х. Юсуфова министром энергетики России. Бывая в Вене на сессиях ОПЕК, в канун Дня Победы мы возлагали цветы к памятнику советским солдатам и офицерам, отдавшим жизнь в боях за австрийскую столицу. И делали это, заметьте, не в рамках «торжественных мероприятий», а по велению сердца. Отдавая дань памяти сотням тысяч таких людей, как Николай Петрович Козуб, ковавшим нашу Победу.

Москва